

СОБЫТИЕ

ЭХО «МОСТОВ»

Истории с историей

Общественный фестиваль «Мосты» прошёл в Перми в начале июня в третий раз. Будучи событием, ориентированным на актуальную повестку, он, казалось бы, должен говорить о дне сегодняшнем и завтрашнем, но, видимо, актуальное не существует без исторического: первый день фестиваля, 1 июня, был «Днём прошлого», и Пермское краевое отделение общества «Мемориал» приняло активнейшее участие в его организации и проведении.

Утром состоялись дискуссии «Политика памяти в современной России, или Как уцелеть на полях сражений российской Клио?» и «История как боевое искусство: цели, участники, арсеналы», затем прошли публичные консультации на тему «Как и зачем быть историком своей семьи?», а завершился день презентацией нового тома Книги памяти «Годы террора», которая прошла в форме театрализованной читки.

Многослойная память

Дискуссия «Политика памяти в современной России, или Как уцелеть на полях сражений российской Клио?», которую вели мемориальцы — преподаватели истории в пермских вузах Галина Янковская и Алексей Каменских, должна была прояснить вопрос, почему исторические темы являются остро дискуссионными: вроде бы, история — это то, что было, это факты, а факты бесспорны... О чем же спорить, ради чего сражаться? И всё же о проблемах прошедшего времени спорят порой не менее ожесточённо, чем о вопросах актуальной повестки.

Профессор Галина Янковская считает, что эмоциональная составляющая этих споров связана даже не с памятью, а с пост-памятью — памятью отцов и дедов, которая достаётся современникам в пересказах, становящихся личным каноном для восприятия прошлого. В ситуации, когда актуализируется пост-правда, архивные документы и достоверные факты не работают, не являются аргументами, потому что действует иной канон.

Алексей Каменских говорил о том, что существует два вида исторического нарратива (изложения исторических фактов) — «закрытый» и «открытый». Для первого характерен догматический характер, уверенность в непреложности и детерминированности истории, вера в то, что

«Срез»: читка Книги памяти

исторические законы столь же тверды, как законы естественного. Именно таковы имперские и националистические нарративы, и речь в них идёт о «больших числах» — о человечестве, о нации, о стране...

Всё национальное, политическое, классовое или конфессиональное (в зависимости от того, на каком начале основывается нарратив) абсолютизируется, не подвергается сомнению, и поэтому возникает деление на «своих» и «чужих», доходящее до абсурда: поскольку Эйнштейн был евреем, нацисты отрицали теорию относительности. Всякая инаковость воспринимается как опасная и враждебная, а врага, согласно подобным системам взглядов, надо побеждать — вплоть до уничтожения.

По мнению представителей подобных взглядов, история безальтернативна — именно в этом смысловом поле находятся понятия вроде «загнивающий Запад» или «неизбежная мировая революция».

«Открытые» нарративы, напротив, ничего не абсолютизируют, они всегда готовы допустить сомнение в догме, они многоголосы — допускают наличие нескольких точек зрения на один и тот же предмет. К сожалению, они пока немногочисленны, ибо возникли лишь после Первой мировой войны и с огромным трудом крепнут, пробиваясь сквозь господство «закрытости». Их основа — внимание к индивидуальной истории, к каждому человеческому голо-

су. По мнению сторонников этой системы взглядов, история недетерминирована, ведь в ней действуют живые люди.

В последние годы «закрытый» взгляд на историю в России одерживает верх: это связано с деятельностью таких организаций как Российское военное-историческое общество, с идеей единого учебника истории, с целым рядом новых федеральных законов, по которым на скамье подсудимых можно оказаться за «лайк» или какой-нибудь перепост в социальных сетях, и т. д.

Уполномоченный по правам человека в Пермском крае Татьяна Марголина напомнила, как буквально на глазах у пермяков на одном из экономических форумов времён губернаторства Олега Чиркунова возникла идея государственной концепции по увековечению памяти жертв политических репрессий, и резкий конфликт возник прямо в зале.

Заведующий кафедрой журналистики ПГНИУ Владимир Абашев считает, что проблемы с собственным прошлым говорят о том, что у нас проблемы в настоящем и будущем. У СССР был козырь — образ будущего, который вызывал взрыв энтузиазма, но он утратил достоверность, а новый образ будущего так и не был найден. Алексей Каменских заметил, что заикливость на прошлом, отсутствие образа будущего — это мировой тренд и мировая проблема.

Историософ Вячеслав Раков назвал процессы, происходя-

щие в историческом сознании, «эмансипацией памяти»: жёсткие, «закрытые» исторические нарративы прошлого не допускали рефлексии, осмысления и переосмысления прошлого — оно было догмой, но затем человек открыл бессознательное, и память стала самостоятельной и самоценной. История обрела собственный голос...

Надежда Агишева, основательница Центра городской культуры, на гостеприимных площадях которого проходили «Мосты», поделилась опытом посещения австрийской церкви, где родственники ухаживают за могилами бывших нацистов. По её мнению, в этой стране, так же как и в Германии, нет столь острых «войн памяти», потому что государство смогло чётко разъединить семейные истории и большую историю, в которой нацизм осуждён на законодательном уровне.

«У государства есть механизмы, в том числе правовые. Всё будет проще, если государство законодательно установит вину конкретных лиц, прежде всего Сталина, и осудит их», — считает Надежда Агишева.

Звучало ещё много интересных мнений, но, к счастью, на «Мостах» войны памяти не разыгрались — здесь собрались единомышленники, уверенные в том, что права и свобода человека — универсальная мера оценки прошлого и настоящего.

Юлия Баталина

Окончание на стр. 2

В НОМЕРЕ

Галина Янковская:
Битвы за прошлое идут во многих странах, но в России — особенно яростно

Репрессированных осталось очень мало, и они должны получить некую компенсацию — ту, что включает не только материальные выплаты, которые, кстати, сейчас совсем незначительны, — они должны получить компенсацию моральную, а именно — признание государством и обществом того, что сделанное против них было делом несправедливым.

Беседа с культурологом, доктором исторических наук, профессором Пермского государственного национального исследовательского университета Галиной Янковской.

Стр. 3

Мы строили храм...

Мы строили храм, памятник воле и мужеству людей, которые не отказались от своих убеждений, от права мыслить свободно в несвободной стране. Я всегда говорила, что именно об этом я буду рассказывать своим внукам... Но мне бы очень не хотелось, чтобы рассказы сопровождалась печальными вздохами о том, что наш храм отняли у тех, кто его восстанавливал из пепла и о ком ничего не говорится в нынешней официальной истории создания музея.

«Пермь-36»: время первых волонтеров.

Стр. 4

По рекам памяти

Экспедиция «По рекам памяти» — традиционная, проводится каждый год. Цель экспедиции — сделать всё для того, чтобы сохранить память о жертвах политрепрессий. О невинных людях, которых когда-то лишили всего и отправили выживать в глухую уральскую тайгу.

Отрывки из дневника участника ежегодной экспедиции Пермского «Мемориала».

Стр. 6

Памяти Волеслава Карловича Стенинга

Волеслав Карлович вёл большую работу в Пермском обществе «Мемориал». Именно он помог оформить колонну «мемориальцев», пронёсших в 1989 году на Первомайской демонстрации мимо остоленевших от неожиданности местных партийногеносе символические портреты невинно расстрелянных в годы советского террора людей. Он помогал Пермскому областному архиву политических репрессий создавать передвижные выставки, рассказывающие о судьбах жителей Прикамья, прошедших лагеря и тюрьмы ГУЛАГа.

Ушел из жизни активный член Пермского краевого отделения общества «Мемориал», театральный художник Волеслав Карлович Стенинг.

Стр. 7

СОБЫТИЕ

ЭХО «МОСТОВ»

Окончание. Начало на стр. 1

Как и зачем быть историком своей семьи?

Одним из самых продолжительных мероприятий «исторического» фестивального дня была работа площадок публичных консультаций «Как и зачем быть историком своей семьи?» Так получилось, что мне пришлось быть одним из экспертов-консультантов на этой площадке. Однажды мой коллега, председатель Пермского «Мемориала» Роберт Латыпов обратился ко мне с вопросом: «Вань, ты же иногда консультируешь людей по поиску информации об участниках войны. Не хочешь этим же заняться на «Мостах?»»

Почему нет? Охотно поделюсь своими знаниями.

Честно говоря, я всё же немного тушевался. Моими коллегами по площадке были такие профессионалы своего дела как вышеупомянутый Роберт Латыпов, а также Наталья Краснощёрова, член правления Уральского историко-родословного общества. Вокруг Натальи собралось по пять-шесть человек, и получались коллективные консультации, что оказалось весьма уместным в теме генеалогических исследований. Роберт работал персонально, уделяя каждому столько времени, сколько было необходимо, чтобы человек осмыслил все тонкости поиска данных о репрессированных родных. Персональность консультаций была особо важна, так как ситуация с родными — жертвами государственного террора бывают совершенно разными: кто-то арестован по «политической» 58 статье, кто-то раскулачен и выслан, кого-то забрали в трудовую армию, и т.д. Консультации по этой теме граждане могут получить и в офисе «Мемориала», и даже самостоятельно познакомиться с информацией по поиску родственников на нашем сайте.

Около года назад я задался вопросом «А как, собственно, переживали годы войны мои родные?» Начать поиски я решил с моего прадедушки, который принимал самое непосредственное участие в событиях мировой истории первой половины 1940-х годов. Жизнь солдата была достаточно точно документально зафиксирована, и мне было на что опираться в своём «исследовании». Хотелось узнать самые простые вещи: более-менее точное место его нахождения в период с 1941 по 1945 года, точное время службы, участие в боевых действиях, условия пребывания. Мне повезло: у прадеда сложилась незаурядная «военная» жизнь: везли на восток — попал на западный фронт, воевал в Крыму, попал в плен, был в составе рабочих групп из военнопленных, невольником принял участие в событиях в бухте Любека, был освобождён, прошёл проверочно-фильтрационный лагерь НКВД и вернулся домой. Сохранились его воспоминания, записанные моей мамой и уместившиеся на один листок.

Результатом моих поисков стала самодельная рукописная книга, наполненная воспоминаниями, историческими и географическими фактами, картами и фотографиями, таблицами учёта военнопленных и музейными брошюрами. Я выполнил прак-

тически все поставленные перед собой цели, хотя занимался этими поисками с переменным успехом и интересом. Конечно, основным инструментом в моих поисках был интернет. Собственно, как и чем он мне помог и как можно строить свою работу в таких поисках, я и мог поделиться со слушателями.

Я был рад и немного удивлён, что большинство из тех, кто консультировался со мной, были весьма молодыми людьми — моими ровесниками. Атмосфера нашей работы была очень и очень приятной: гости рассказывали о своих родных, об их историях, задавали самые разные вопросы и старались всё успеть записать, благодарили за советы и новые идеи. Было душевно и неформально.

Два наиболее трогательных момента в моей фестивальной консультации были связаны не с участниками войны, а с жертвами террора.

Ко мне подошла бабушка и робко спросила, можно ли узнать что-то о судьбе репрессированного отца. Валентина Сергеевна рассказала, что папа был арестован в 1941 году в Костроме по 58-й статье. Домой он уже не вернулся. Позже был реабилитирован, и вот теперь дочка хотела узнать: в чём же конкретно обвиняли отца, какие вопросы задавали, что отвечал отец... Но как это установить, куда обращаться, как писать запрос, бабушка не знала. Прямо при ней я нашёл в сети телефон архива в Костроме, связался с ним, работники архива подробно рассказали о порядке обращения и предоставления документов родным. Объяснив, что да как, Валентине Сергеевне, я увидел в её глазах и радость, и вновь появившуюся надежду и услышал тихое, но исполненное чувств «спасибо». Мы договорились с ней о встрече в офисе «Мемориала», чтобы вместе отправить запрос в Костромской архив, приложив все требуемые документы.

С молодой женщиной по имени Светлана мы долго обсуждали возможность получения какой-либо информации о её родных — участниках войны, от которых, к сожалению, не сохранилось ни записанных воспоминаний, ни документов, лишь весьма скудные данные: ФИО, дата рождения, дата призыва, дата смерти и пара семейных легенд. Говорили долго, пытались найти хоть какие-то зацепки, и, надо сказать, нашли.

Под конец разговора Светлана спросила, можно ли и о репрессированных узнать. Ситуация была такова: в 1938 году её деда, жителя Кудымкара, арестовали, потом, скорее всего, расстреляли. Внучка была уверена, что это случилось в самом Кудымкаре. Где он погребён? Куда родные могли бы принести цветы, помянуть его? Вопросы и рассуждения натолкнули меня на мысль о небезызвестном «Двенадцатом километре» — месте захоронения тысяч жертв сталинского террора. Проверил тамошнюю базу данных. Имена, имена, имена... И вдруг — то самое! Он! Светлана закрыла лицо руками: «Это так... Так неожиданно... Это же он. Столько лет...»

Да, в такие моменты у меня самого слёзы на глаза навора-

чиваются. Именно ради таких моментов я и работаю, помогаю людям в важном для меня и для них деле.

Иван Васильев,
научный сотрудник
Пермского «Мемориала»

Срез по живому древу памяти

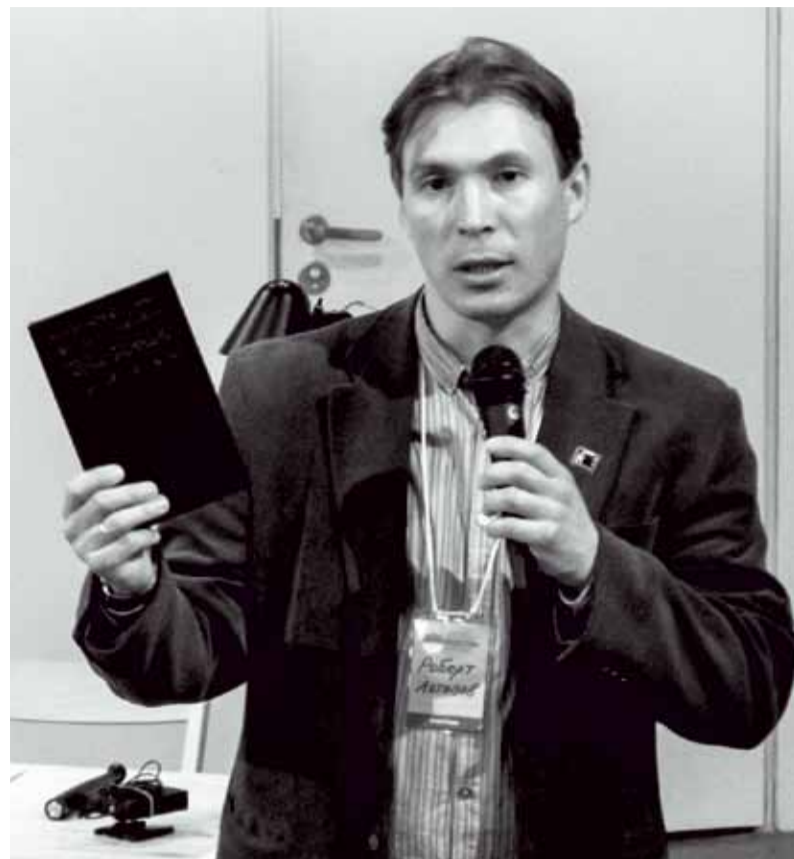
Первый день фестиваля «Мосты» завершился необычной акцией под названием «Срез» — читкой документов 16-го тома региональной Книги памяти жертв политических репрессий «Годы террора».

Исторический контекст событий, о которых рассказывали участники этой акции, связан с одной из самых страшных и бессмысленных операций сталинского режима — кампании «раскулачивания» и насильственной коллективизации деревни. Сигналом к её началу стала вышедшая 11 января 1930 года в газете «Правда» передовая статья «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». В ней прозвучал призыв «объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли».

Подчеркнём: войну на уничтожение объявили людям, не совершившим какого-либо преступления. На карту была поставлена жизнь миллионов крестьян, вина которых состояла лишь в том, что они жили, что работали. Работали на своей земле умело, кормили свои семьи и заодно всю страну. Их вина была в том, что они — мелкие собственники. Безумная классовая теория стала практикой.

Участники чтений, опираясь на документы той эпохи, показали, как шла война против собственного народа, кто её организовывал и направлял и кто стал её жертвой. Российское село безвозвратно потеряло миллионы работников. Обездоленные, ограбленные государством, высланные в отдалённые районы люди вымирали десятками тысяч. Потеряло село и в ином смысле: массовые операции по ликвидации «кулаков» привели к тому, что более 600 тысяч крестьянских семей бежали из деревни в города. Но и это неполный итог: результатом преступного эксперимента стал голод 1932 — 1933 годов, унёсший жизни миллионов людей. Тут, как говорится, добавить нечего.

Книгу памяти, вобравшую в себя документы из пермских архивов (различные постановления и приказы, протоколы допросов, обращённые к власти письма крестьян, газетные статьи), представили на форуме как своего рода документальный спектакль. Группа молодых людей читала эти документы, и зрители слышали за ними то привычный голос власти, то скорбные стоны «раскулачиваемых» крестьян, то недоумённые высказывания учительницы, приехавшей в деревню и ужаснувшейся тому, что в ней творится... В советские времена подобные театрализованные читки назывались «литмонтаж». Сегодня есть более современное название — «вербатим», один из жанров документального театра. Замечательное название этому действию — «Срез» — придумала автор сценария Анаста-

Роберт Латыпов с Книгой памяти

сия Сечина. Да, это и есть срез по живому древу памяти, обнажающий кольца трагедии, пережитой российским крестьянством в ополоумевшие тридцатые годы при советской власти. После читки ведущая встречи Марина Оболонкова попросила и тех, кто слушал, и тех, кто читал, обменяться впечатлениями от услышанного. «Что вы чувствовали, когда читали эти тексты?» — спросила она у молодых людей.

Вот несколько ответов: «Я ощущала чувство боли и давления»; «Я читала от лица учительницы, приехавшей в деревню. Она видит — люди доведены до отчаяния, и не понимает, зачем это»; «Потрясаю особенно то, что в документах речь идёт не о чём-то далёком, а о том, что происходило совсем близко от тех мест, где мы сейчас живём, на территории нашего края»; «У меня был ужас: не дай бог, это повторится. Моя бабушка прошла через всё это»...

Роберт Латыпов, председатель Пермского «Мемориала»:

— В книге есть материалы следственного дела из Пашийского леспромхоза, где жили и работали ссыльные. Мы только что прошли по тем местам во время поисковой экспедиции «По рекам памяти». 175 семей помирали там от голода, и вот эти семьи решили отправить телеграмму Сталину, а поскольку телеграфа в такой глухомани не было, то выбрали трёх крестьян, чтобы шли за много километров туда, где он есть. Их арестовали. Следователь проявил, если можно так назвать, гуманность: не потребовал для них расстрела или пожизненной каторги, а «всего лишь» перевёл на другую, пусть более отдалённую, но ссылку. Этот эпизод может о многом сказать нам сегодня...

Андрей Суслов, доктор исторических наук, ответственный за выпуск Книги:

— Работая над книгой, я прочитал огромное количе-

ство документов. Был вопрос, что отобрать из них. Важно было, чтобы сложилась общая картина, ведь в 1930-е годы происходила, по сути, социальная революция с огромными жертвами. Сверху власть создавала сначала весьма расплывчатые документы, без конкретных указаний, как это делать. А уж исполнители на местах делали, как хотели...

Анастасия Сечина, автор «Среза»:

— Читала книгу, выбирала фрагменты для сценария, потом перечитывала, отсеивала повторы, сокращала оставшееся, ещё раз перечитывала... В общем, текст разве что наизусть не выучила. И всё равно несколько раз во время чтения хотелось заплакать... Книга очень нужная, ценная. Но нужно думать, как она будет работать. Искать новые формы подачи материала. Популяризацию никто не отменял.

Татьяна Марголина, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае:

— Сила этого издания в его документальности. Я признаю авторитет документа...

Марина Оболонкова, ведущая встречи:

— В меня вселяет надежду современная нам история с Денисом Карагодиным, который нашёл фамилию палачей своего дедушки и опубликовал результаты своего расследования в интернете. Через день ему ответила внучка одного из этих палачей и попросила прощения за деда... Есть надежда на то, что память не умрёт, трудное прошлое будет нами переосмыслено.

Осталось назвать имена тех, кто сумел оживить 16-й том Книги памяти: Иван Кустов, Динара Садыкова, Петр Ситник, Ольга Кель, Ирина Краева, Мария Макеева и Людмила Долдина. Спасибо им!

Ирина Кизилова,
Александр Калих
Фото Дмитрия Окунцева

БЕСЕДА

ГАЛИНА ЯНКОВСКАЯ: БИТВЫ ЗА ПРОШЛОЕ ИДУТ ВО МНОГИХ СТРАНАХ, НО В РОССИИ — ОСОБЕННО ЯРОСТНО

Чем отличается память о прошлом в России и других странах, почему люди отказываются осуждать политические репрессии и к чему могут привести бесконечные споры о них — об этом корреспондент «Вест-

ника Мемориала» беседовал с историком, культурологом, доктором исторических наук, профессором Пермского государственного национального исследовательского университета Галиной Янковской.

— Галина Александровна, почти из-за всего, что связано с прошлым, у нас привыкли ломать копья, будь то политические репрессии или Великая Отечественная война. Прошлое преследует и раскалывает людей в настоящем...

— Бои за память, за разные оценки прошлого ведутся в очень многих странах. Даже в тех, где, казалось бы, всё давно-давно устоялось. Просто мы не знаем этого — думаю, это связано с тем, что у нас катастрофически плохо знают историю зарубежных стран.

В качестве примера — Соединённые Штаты Америки. Там вроде бы очень многое изменилось после отмены рабства и законов о сегрегации, но афроамериканское сообщество до сих пор возмущено, что очень мало установлено монументов, посвящённых политикам и историческим деятелям с африканскими корнями. Там очень много сюжетов, что называется, боевых столкновений — например, о лагере для интернированных японцев во время Второй мировой войны — тех, которые были гражданами Америки.

Масса дискуссионных сюжетов и в других странах, когда по очень многим вопросам из прошлого договорённости так и нет. В Японии до сих пор рубятся насчёт того, была ли Нанкинская резня и как к ней относиться. Во Франции совершенно по-разному оценивают де Голля. Правительства Южной Кореи и Японии могут обмениваться дипломатическими ударами по поводу школьных учебников истории и т. д.

Но, действительно, в некоторых странах, среди которых и Россия, и все бывшие советские республики и страны соцлагеря, история стала очень серьёзным фактором актуальной политики. Прошлое заменяет собой дискуссию по поводу настоящего или отсутствие какого-то сценария будущего. Заметьте, мы почти не говорим о будущем. Это очень тревожный симптом.

Я бы ещё обратила внимание на то, что в спорах о прошлом царствуют эмоции. Аффекты. У нас очень экзальтированное отношение к прошлому. Мы не включаем разум, логические интерпретации. У нас нет дистанции по отношению к событиям давно ушедшего времени.

— Например?

— Например, когда архивные документы, подлинники исторические свидетельства говорят о том, что истории с 28 панфиловцами не было, был героизм других людей и в других обстоятельствах. Но аффективная реакция на такой вывод — «только мрази конченые» могут ставить под

сомнение великий сюжет, великий миф великой войны. Это эмоция, которую очень эффективно используют разные политические силы. Любое критическое отношение к прошлому воспринимается сегодня как критика страны, нелояльность, непатриотизм, как отрицательная гражданственность и так далее.

Прошлое сегодня — своеобразный ресурс. Скажем, многие региональные власти очень заинтересованы в продвижении исторических легенд, мифов, ведь с их помощью в обществе формируется идентичность. Горнозаводскую цивилизацию помяну, и это не единственный сюжет. Мы ищем корни, какой-то стержень, вокруг которого может консолидироваться социум, и находим его почему-то исключительно в прошлом.

Есть и более универсальные основания для того, почему прошлое играет такую важную роль: они связаны с поколенческим разрывом. Каждое поколение заново создаёт свою историю. Она вообще не открывается раз и навсегда, история — это способ понимания себя, общества, мира. Поскольку меняются социально-политические обстоятельства, открываются новые источники, то каждое поколение задаёт новые вопросы о прошлом. Вот почему история — это как вариации Баха. Поколенческий разрыв совпал у нас с революционной по своему масштабу сменой социальной формации. Сегодня разные поколения живут в разных исторических матрицах.

Скажем, для моего круга осуждение сталинизма и понимание политических репрессий как одной из величайших трагедий — это аксиома, это мои фоновые знания. Но сейчас выросло другое поколение, и для него все эти разговоры — о сталинизме, о раскулачивании, о депортации — это как разговоры о Карфагене, для очень многих молодых людей это было словно миллион лет до нашей эры.

— Обращаясь к ним, проще спекулировать на этой теме?

— Проще создавать образ истории вне контекста. Фрагментированный такой, клиповый.

— Можно ли надеяться, что разные люди, разные поколения договорятся о том, что репрессии — это плохо, лишать человека жизни и ломать его судьбу — плохо? Неужели здесь могут быть споры?

— Я вас поддерживаю. Но то, что кажется одним элементарным знанием, для других — полная ересь. У всех ведь свои приоритеты.

— Это какая-то внутренняя компенсация?..

— Это нежелание рассуждать, отказ от анализа, погружённость в сиюминутную повседневность. Что касается приори-

тетов — это, в частности, вопрос коммуникации гражданского общества и власти, потому что именно власть задаёт ориентиры — например, создаёт исторические законы, те законы, которые нормируют высказывания и деяния по поводу оценок прошлого; законы, которые предписывают гражданам вести себя определённым образом по поводу истории.

В некоторых странах закон преследует за отрицание Холокоста; или вспомним знаменитые законы в Украине о декоммунизации, после которых начался «Ленинопад», вычищение из городских пространств советской символики и так далее. У нас, в России, есть, например, Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, но нет закона, который бы наказывал за отрицание негативных последствий репрессий, который бы осудил тех, кто оспаривает их преступный характер.

— Почему, на ваш взгляд, нет таких законов?

— Много причин. Одна из них связана с феноменом Великой Отечественной войны, победа в которой приходится на время правления тех самых политических вождей, что развёртывали репрессивный режим.

В девяностые в постсоветской России поиски национальной идеи не увенчались успехом, а стержень был нужен, ведь распалась гигантская страна, многовековая империя. Вокруг чего консолидироваться обществу? Жителям России с кем себя идентифицировать? Чем гордиться?

Выявилось, что единственное событие, которое собирает страну — это как раз Великая Отечественная война. Вообще-то война включает много всего — и трагического, и героического, есть чем гордиться и есть чего стыдиться. Но всё-таки доминанта — это гордость, понимание какой-то нереально высокой цены победы, чего-то, доставшегося большими всеобщими усилиями. Эти события выпадают на период нахождения у власти Сталина. Общество не готово к конфликтной версии героического прошлого. Мы не готовы принять, что наша национальная история может быть не только победной и великой, не только историей успеха.

Когда-то Рональд Рейган говорил, что человеку чрезвычайно важно знать, во имя чего жить и ради чего умирать. Мне кажется, наше отношение к прошлому очень часто связано именно с этим, но люди ставят эти вопросы не применительно к своей собственной жизни, жизни близких, своего ближайшего окружения — они тянутся к

чему-то супермасштабному. Масштабируют свою личность и свою «маленькую жизнь» за счёт того, что присоединяются к какой-то большой великой истории. Как у Визбора — «...А также в области балета мы впереди планеты всей».

Это наше специфическое отношение к прошлому, настоящему и будущему видно в одном очень известном анекдоте хрущёвских времён: «На повестке дня два вопроса — строительство сарая и строительство коммунизма. В связи с отсутствием досок сразу переходим ко второму вопросу».

— Причина — в боязни брать на себя ответственность?

— Да, в дефиците субъектности, понимания ценности самого себя. Посмотрите, как называют сегодня представителей очень многих социальных групп — «офисный планктон», «менеджерская пыль», «бюджетник». Вузовская просвещённая когорта называет себя рабским сословием, невольниками. Это всё самоназвания молчаливого большинства, тех людей, которые ощущают, что сегодня они никто, от них ничего не зависит.

Да, у них может быть комфортная одежда, повыше уровень потребления, чем у родителей. Даже иногда они смогут куда-то съездить, и даже за границу. Но влияют ли они на ситуацию — я не говорю в большой политике, — в городе? Насколько люди готовы к гражданскому мироощущению и поведению?

Конечно, не настолько всё однозначно. В обществе растёт колоссальный интерес к истории. Той, которая основана на документах, фактах, не отравлена ядом телевизионных пропагандистских укусов. Посмотрите, насколько востребованы в интернете архивы, дневники — мы наблюдаем ренессанс просветительства. Словом, общество и его отношение к прошлому неоднородно. Это очень полифоничная ситуация.

— Всё чаще можно встретить мнения: «Не раскачайте лодку», «Репрессии — да, были, но надо ли их культивировать?» Так считает даже председатель краевой комиссии по восстановлению прав жертв репрессий Алексей Золотарёв. Он ссылается на за-

падные СМИ — мол, они могут использовать критику против России.

— Это совершенно аморальная позиция. На каком основании те, кто потерял здоровье, жизнь близких, семью, работу, собственность, планы житейские, чьи честь и достоинство были унижены, должны об этом молчать? Репрессированных осталось очень мало, и они должны получить некую компенсацию — ту, что включает не только материальные выплаты, которые, кстати, сейчас совсем незначительны, — они должны получить компенсацию моральную, а именно — признание государством и обществом того, что сделанное против них было делом несправедливым.

— Вы сказали о полифоничности. Как она, по-вашему, будет меняться?

— Думаю, она приведёт к ситуации, когда появится какой-то новый доминантный дискурс о политических репрессиях. Возможно, он будет сформулирован властью. Но остальные взгляды должны будут также иметь право на жизнь — ведь мы бьёмся не за то, чтобы победила одна точка зрения, а другие запретили.

Нужно стремиться к тому, чтобы доминантным дискурсом был тот, который осуждает политические репрессии, форсированную индустриализацию, унижение человека ради глобальных интересов государства и так далее; но при этом должна сохраниться альтернатива. У сталинистов я не буду отбирать их право на высказывание мнения.

А сейчас всё-таки нет доминанты — сложилась, можно сказать, пластичная ситуация. Разные точки зрения конкурируют друг с другом.

— И какая в итоге...?

— ...Будет какое-то время доминировать? Я сторонник процессуального отношения к прошлому. Надеюсь, что со временем наше общество сможет принять зрелую, реалистическую, а значит — критическую версию своего прошлого, в которой надо будет нести ответственность за политические репрессии в том числе.

Михаил Данилович
Фото Дмитрия Окунцева

СВИДЕТЕЛЬСТВО

МЫ СТРОИЛИ ХРАМ...

«Пермь-36»: время первых волонтеров

В эту историю меня втянул мой приятель Андрей Каких, с которым мы вместе учились на истфаке ПГУ. Ближе к лету 1995 года он предложил мне, моей ближайшей подруге Лене Сосовой и нашему общему другу Виталику Новосёлову принять участие в работе международного волонтерского лагеря, целью которого было восстановление бывшей исправительно-трудовой зоны «Пермь-36», разрушенной после того, как из нее вывезли всех политзаключенных и закрыли навсегда. В нашем лагере оказались и другие общины знакомые: Рома Казанцев и Маша Ерош, которых я знала по археологическим экспедициям.

Я уже была немного знакома с тем, чем занимается общество «Мемориал», но область моих интересов находилась совсем в другом направлении — я занималась историей итальянского Возрождения. Тем не менее, идея две недели провести вместе с молодыми людьми из разных стран, занимаясь благородным делом восстановления исторической памяти и исторической справедливости, была очень привлекательной.

Я даже не подозревала тогда, насколько сильно «Пермь-36» изменит мою жизнь. Это был мой первый опыт общения с ребятами из других стран, и огромное количество стереотипов в отношении пунктуальности немцев, неизменного изящества французенки или показного дружелюбия американцев развеялось в прах. Некоторые французенки с лёгкостью таскали тяжеленные бревна и ни в какую не хотели помощи от мужчин, чем вызывали возмущение у будущего российского офицера Макса, а хрупкостью отличилась, напротив, американка Сандра, умудрившаяся со своей вегетарианской диетой попасть в чувовскую больницу.

Здоровенный американец Крис, зачем-то притащивший в уральскую глушь бейсбольную битку, оказался весьма немногословным. При первом знакомстве он сказал: «I'm Chris, I'm American, what's

more?» («Я Крис, американец. Чего ещё?») Про единственного в компании немца Тима Бозе можно написать отдельную книгу, в которой обязательно должна быть глава о его роли в становлении системы альтернативной гражданской службы в России. Я очень хорошо помню тот день, когда мы сидели на зелёной лужайке вместе с руководителями пермского «Мемориала» и внимали его рассказу о том, что такое АГС и как она устроена в Германии. Тогда он обещал нам, что через год, после окончания школы, обязательно вернётся и будет проходить АГС в Перми. И вернулся. Но это уже совсем другая история...

Было удивительно, как вся эта разношёрстная компания терпела бытовые неудобства — мы жили в здании закрывшегося на лето детского садика в соседней с музеем деревне Копально, с минимальным набором удобств и баней, любезно предоставлявшейся нам местными жителями. Жили весело: праздновали дни рождения, в День взятия Бастилии строили крепость из железных сеток и даже репетировали бальные танцы... Но не это оказалось главным.

В июле 1995 года будущий музей представлял собой несколько полуразрушенных и заброшенных сараев, вокруг которых местные жители пасли коров. Когда мы приехали на объект, первыми нас встретило полчище оводов. Это было далеко не последний недружелюбный жест в адрес идеи строительства музея. Несколько позже мы поняли, что многие местные жители далеко не в восторге от того, что по соседству с ними будет сооружён мемориальный комплекс, напоминающий о преследовании инакомыслящих в недавнем прошлом. Оно и понятно: ведь лагерь был «якорным» учреждением, где очень многие из них работали.

Уже позже, в памятном 1998 году, в очередной международной волонтерской смене, которая проводилась вместе с немецкой организацией ASF, мы познакомились с

Иваном Кукушкиным — бывшим охранником лагеря. Он работал на территории бывшей политзоны — теперь музея, на той самой пилораме, где работали заключённые — узники совести, в том числе и учёный-биолог Сергей Адамович Ковалёв, ставший после освобождения первым Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, и многие другие люди, не соглашавшиеся с идеологией советской власти и за инакомыслие угодившие в политзону. В 1998 году бывший охранник политлагеря на этой же пилораме производил необходимые стройматериалы для восстановления бывших лагерных бараков и забора.

Во время наших разговоров с Кукушкиным выяснилось, что он, как и сотни других «солдат» системы, совсем не раскаивается в том, что когда-то участвовал в работе репрессивной машины. «Работа как работа, почему же мне должно быть стыдно?» — удивлялся он.

Для наших немецких волонтеров это был культурный шок: «Как вообще такого человека могли допустить делать что-то для музея?!» Но кто-то строит храм, а кто-то таскает камни... Мы строили храм, памятник воле и мужеству людей, которые не отка-

зались от своих убеждений, от права мыслить свободно в несвободной стране.

В 1998 году к нам в волонтерский лагерь приехали бывшие заключённые «Перми-36»: правозащитник Сергей Адамович Ковалёв, экономист Лев Николаевич Тимофеев и религиозный диссидент Александр Иольевич Огородников. Встреча с последним произвела на меня особенное впечатление. Огородников боролся за право заключённых иметь Библию и объявлял голодовки, потому что это запрещали. За сопротивление лагерной администрации он в 1985 году получил второй срок, который отбывал уже в мордовской колонии, а потом снова был перевезён в «Пермь-36», только уже, как рецидивист, в сектор особого режима. Мы видели, как болезненно для него снова оказаться впервые после освобождения в бывшей тюрьме. «Я и не знал тогда, что такая чудесная река совсем рядом», — сказал он нам, сидя на берегу Чусовой, которая течёт себе едва ли в пятидесяти метрах от входа в тот самый барак особого режима. В этом высказывании бывшего политзэка было больше об истории несвободы, чем во всех восстанавливаемых нами заборах и бараках.

Теперь, 20 с лишним лет спустя, я могу с уверенностью сказать, что восстановление «Перми-36» и всё, что потом закрутилось вокруг неё, было одним из са-

мых значимых событий в моей жизни. Благодаря этому я резко изменила сферу научных интересов: окончила магистерскую программу по политической науке и вот уже более 20 лет занимаюсь созданием методики преподавания прав человека и тем, что называется гражданским образованием. Многие годы волонтерская работа в «Перми-36» давала мне почувствовать себя немного Форрестом Гампом из известного голливудского фильма: «Вот этими руками я шкурела брёвна в ставшем знаменитым потом на весь мир музее и белила карцер». Я всегда говорила, что именно об этом я буду рассказывать своим внукам.

Рассказы, конечно, не отменяются, но мне бы очень не хотелось, чтобы они сопровождались печальными вздохами о том, что наш храм отняли у тех, кто его восстанавливал из пепла и о ком ничего не говорится в нынешней официальной истории создания музея. Верю, что когда-нибудь опять буду чувствовать себя первопроходцем в очень важном и большом деле и привезу на экскурсию в деревню Кучино и своих учеников, и своих внуков. Нам будет, о чем поговорить.

Ольга Погонина,
волонтер первого лагеря
«Пермь-36» в 1995 году,
руководитель международных волонтерских смен в 1998 и 1999 годах

ПАМЯТЬ

«ПОСЛЕДНИЙ АДРЕС» В БЕРЕЗНИКАХ И ДОБРЯНКЕ

География проекта расширяется. Очередные мемориальные знаки всероссийского проекта «Последний адрес» будут установлены городах Пермского края — Березниках и Добрянке.

«Одно имя, одна жизнь, один знак» — таков основополагающий принцип общественной инициативы, нашей своей воплощение в проекте «Последний адрес». Каждый россиянин может стать заявителем на установление персонального мемориального знака на фасаде дома, который стал последним местом жизни жертвы репрессий.

Благодаря инициативе неравнодушных граждан и поддержке Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал» в Пермском крае уже установлено 20 мемориальных знаков. Изготовление таких знаков осуществляется за счёт

добровольных целевых пожертвований граждан, без использования каких-либо бюджетных средств.

4 июля 2017 года в Березниках будет установлен мемориальный знак памяти Витольда Свицерского, инженера Березниковского химкомбината. 16 декабря 1937 года Витольд Иосифович был арестован, а затем обвинён в шпионской деятельности и приговорён к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведён в исполнение 11 февраля 1938 года. В 1957 году В. И. Свицерский был реабилитирован.

Предложение установить мемориальный знак пришло из Германии — от внука Витольда Иосифовича Андрея Мельцера. Этот знак — второй по счёту в Березниках; первый был установлен 4 ноября 2016 года в память о Дмитрии Адамовиче Алексюке, инженере Березниковского химкомбината.

На следующий день, 5 июля 2017 года, в Добрянке будет установлен мемориальный знак памяти фотографа Сергея Андрияновича Удника.

Предложение установить мемориальный знак пришло от добрянского и полтавского отделения «Мемориала».

Тех, кто заинтересован в установке мемориального знака «Последнего адреса», просим обращаться в Пермское краевое отделение Международного общества «Мемориал» по тел.: (342) 282-54-42, (342) 281-95-59; e-mail: rmem@yandex.ru; адрес: 614070, г. Пермь, ул. Крупской, д. 40. Официальный сайт проекта «Последний адрес» <https://www.poslednyadres.ru/about/>.

Александр Чернышов,
координатор проекта
«Последний адрес»
в Пермском крае

Витольд Свицерский с семьёй

СУДЬБА

ВЫСШАЯ МЕРА ДЛЯ ФОТОГРАФА

В фондах Добрянского историко-краеведческого музея хранятся фотографии Добрянки 1930-х годов. Сохранились они чудом. Чудом, потому что большинство фотоснимков той поры были изъяты сотрудниками НКВД в конце 1937 года во время ареста их автора — одного из более чем 1200 репрессированных жителей города.

Из священников — в фотографы

В тридцатых годах минувшего столетия Сергей Адрианович Удников был самым известным фотографом в Добрянке и соседней Полазне. Родился он 3 октября 1894 года в селе Коса в бедной крестьянской семье. До революции крестьянствовал, служил в церкви псаломщиком, а затем принял священнический сан и в 1920-х годах имел чин протоиерея (старшего священника) в полтавской Свято-Троицкой церкви.

Церковную службу вынужден был оставить в 1929 году, тогда-то и занялся всерьёз фотографией — уже в Добрянке, где открыл свою мастерскую. В следственном деле 1937-38 годов в графе «социальное происхождение» так и записано: «кустарь-фотограф».

Без шансов на спасение

Анализируя сейчас ситуацию конца 1930-х годов, понимаешь, что шансов на выживание в массовой зачистке «негодных элементов» 1937-го — начала 1938 годов у Сергея Адриановича было немного. С точки зрения карательных органов, происхождение С.А. Удникова было самым что ни на есть контрре-

волюционным: во-первых, «бывший поп», во-вторых, кустарь-одиночка. К человеку с такими анкетными данными можно было без проблем пришить любое дело, нужное сотрудникам НКВД для выполнения плана.

Постановление о его аресте было подписано начальником Добрянского отделения НКВД сержантом госбезопасности Цыгановым в самый канун нового 1938 года — 31 декабря. В нём фотограф характеризовался как «участник шпионско-диверсионной организации» и обвинялся сразу по пяти пунктам печально знаменитой 58-й статьи УК РСФСР.

Что снимал «немецкий шпион»?

В следственном деле всего-навсего 11 листов. Первый — постановление об аресте, одиннадцатый — справка о приведении приговора в исполнение.

Есть и куций, на полутора листочках, протокол единственного допроса С.А. Удникова, состоявшегося 4 января 1938 года. В нём Сергей Адрианович прямо-таки с энтузиазмом рассказывает о себе как о германском шпионе, завербованном «священником Добрянской церкви Орловым Алексеем Ивановичем». По его заданию он якобы не только переснимал чертежи секретных изделий пермских заводов, но и «сфотографировал истощённых людей в трудпосёлках». «При фотографировании полуголых фигур мне, чтобы они выглядели худыми, пришлось прибегнуть к фальсификации тенями на телах и ретушировке», — якобы рассказывал фотограф. Якобы, это потому что протокол допроса полно-

стью придуман следователями бригады Пермского горотдела НКВД, которые свирепствовали в тот период в Добрянке. Осенью того же 1938 года они сами попали под следствие и рассказывали на суде, как на самом деле ими «шились» «шпионские признания» и раскрывались мифические диверсионные организации.

ВМН

На момент ареста Сергею Удникову было 43 года. В Добрянке у него остались жена Вера Матвеевна и трое детей: дочери Надежда и Нина, 17 и 15 лет соответственно, и 13-летний сын Сергей. В ходе обыска их дома сотрудники НКВД изъяли не только различные фотопринадлежности и химикаты, но и три альбома с фотографиями. Дальнейшая судьба этих немых свидетелей добрянской жизни первой половины прошлого века неизвестна, как и судьба трёх фотокамер с объективами «Гильярд», «Цейс» и ГОМЗ.

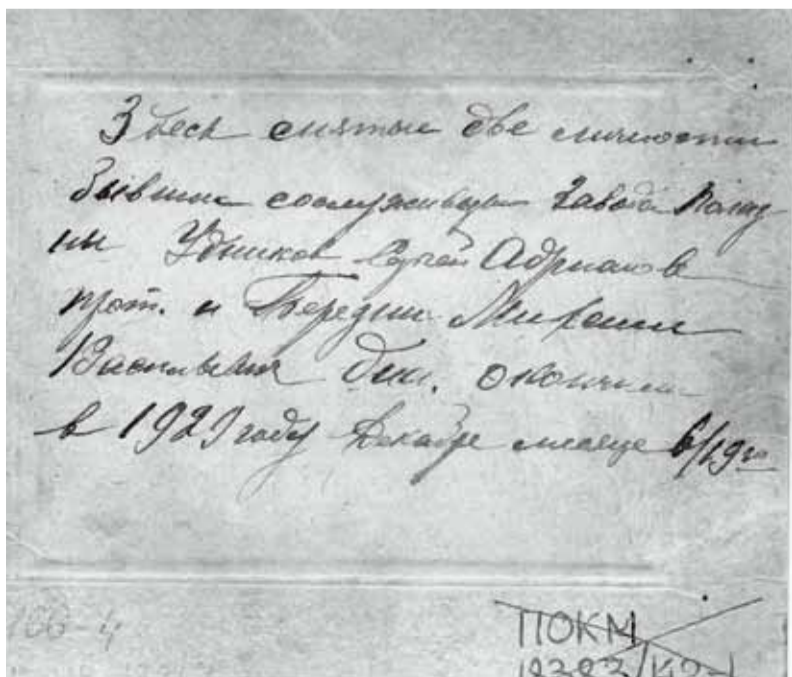
А вот судьба фотографа оказалась трагической. 21 января 1938 года дело было закончено и направлено в НКВД Свердловской области «для внесудебного рассмотрения». «Тройка» карала списками, и в числе прочих «шпионов», «вредителей» и «врагов народа» приговорила Сергея Адриановича к ВМН (высшей мере наказания). Приговор был приведён в исполнение 16 марта 1938 года.

Реабилитация состоялась весной 1989 года.

Михаил Калинин,
газета «Зори плюс»,
15 июля 2009 г.

Сергей Удников — слева

ЭКСПЕДИЦИЯ

ПО РЕКАМ ПАМЯТИ

Отрывки из дневника участника ежегодной экспедиции Пермского «Мемориала»

Экспедиция «По рекам памяти» — традиционная, проводится каждый год. Цель экспедиции — сделать всё для того, чтобы сохранить память о жертвах политрепрессий. О невинных людях, которых когда-то лишили всего и отправили выживать в глухую уральскую тайгу. В нынешнем весеннем сплаве по «рекам памяти» приняли участие члены национальной организации добровольцев «Русь» (НОРД «Русь») — старшеклассники и их наставники из Твери и Екатеринбурга. На сайте организации сказано, что это православное и патриотическое братство детей, юношества и взрослых.

Экспедиция началась с посёлка Тёплая гора в Горнозаводском районе. Об установке здесь памятного знака «Мемориал» заранее договорились с главой Теплогорского сельского поселения Еленой Ситниковой, а местный предприниматель обещал привезти необходимые для строительства памятного знака материалы.

и провокационное!»

«Товарищи» как-то сторонились одиозного корреспондента и крутили пальцем у виска, но активистка нашла поддержку со стороны Александра Дерендяева, заместителя председателя совета регионального общественного движения «Горнозаводское направление», от которого последовала угроза разрушения или сожжения установленной «Мемориалом» стелы. Роберт Латыпов сказал, что экспедиции «По рекам памяти» проходят с 2002 года, но с подобным он столкнулся впервые.

Приехала глава посёлка Елена Ситникова, которая подтвердила, что теплогорцы готовы предоставить «Мемориалу» место для возведения стелы. Администрация посёлка предложила три места для стелы на выбор. Нам приглянулся небольшой участок на склоне, рядом с администрацией. Место хорошее, отлично просматривается. Когда стелу установили, Роберт рассказал собравшимся, кем, почему и памяти

приключений, а только началом путешествия по Вильве, берега которой когда-то были вынуждены обживать тысячи спецпереселенцев. Следующий памятный знак планируется установить в урочище Щегровитый.

Спускаем наши суда на воду, рассаживаемся — по шесть человек на катамаран.

Идём хорошо, но становится понятно, что до Щегровитого не успеть. Встать, согреться и пообедать в урочище Коростылёвка тоже не удаётся из-за слишком высокой воды. Все поляны затоплены, а крутые, поросшие лесом склоны и скалистые стены для наших целей не подходят. Пристанище находим со второй попытки. Все устали и замёрзли. Дует ветер, идёт снегопад. Развели костёр, поставили палатки, приготовили ужин, поели. Спать.

Утром — вперёд, на Щегровитый. Там теперь никто не живёт, а в 1930-1950-е годы располагался спецпосёлок. В нём находились на спецучёте НКВД и трудившиеся на объектах лесной промышленности раскулаченные и высланные крестьяне, численность которых на 1 января 1945 года составляла 51 человек (19 семей). В период с 1932 по 1940 годы по политическим мотивам были арестованы девять человек, одного из которых расстреляли в 1938 году, трое получили длительные сроки заключения в лагерях ГУЛАГа, ещё трое вместе с семьями вновь были высланы, уже в Кизеловский район. В отношении других дела были прекращены. Сегодня все эти люди реабилитированы, в том числе посмертно. Впервые памятный знак здесь был установлен в 2006 году, но от него, похоже, ничего не осталось. Делаем пятиметровый православный крест, прикрепляем табличку. Гостей на этом месте ждать не приходится, поэтому Роберт рассказывает о нём только нам.

Следующий пункт по плану — посёлок Вильва. До него всего несколько километров, поэтому дошли быстро. Посёлок жи-

Сплыв на катамаранах по весенней Вильве

лой. В 1930-1950-е годы здесь на спецучёте НКВД находились и трудились на объектах лесной промышленности раскулаченные и высланные крестьяне, численность которых на 1 января 1941 года составляла 640 человек (175 семей). В период с 1937 по 1945 годы по политическим мотивам были арестованы 44 человека, из которых трое погибли во время следствия, 11 человек расстреляны в 1937-1938 годах, 10 человек получили длительные сроки заключения в лагерях ГУЛАГа, один был оправдан, в отношении других дела прекращены. Сегодня все эти люди также реабилитированы.

Здесь, как и в Тёплой горе, мы заранее договорились с администрацией о месте установки стелы. Место нам выделили по чётному — на площадке рядом с памятником воинам, погибшим во время Второй мировой войны. Неподалёку спортивная площадка (вытоптанная полянка и пара футбольных ворот), пятеро детей и женщина играют на ней в футбол. Оказывается, ученики и преподаватель местной школы. Разговорились. Нас пригласили в школу — познакомиться с директором Галиной Чигер. Рассказ о том, зачем мы здесь, вы-

звал живейший интерес и одобрение: основная масса населения в посёлке — это потомки репрессированных.

Договорились, что через 15 минут ребята и учителя придут на открытие стелы. Это хорошо и приятно, было бы странно открывать памятник в посёлке, где живут потомки репрессированных, в их отсутствие.

Пока Роберт управляет с торжественной частью (рассказывает местным жителям, кто мы, зачем и почему именно здесь), остальные заканчивают установку стелы. Прикручивание таблички становится чем-то вроде перерезания ленточки. Это делается в последнюю очередь, церемонию открытия можно считать законченной, теперь — фотографироваться. Вильвенцы нас искренне благодарят и обещают ухаживать за памятным знаком.

По плану сегодня — реконструкция ещё одного, последнего в этой экспедиции знака. Он расположен в устье реки Большая Порожная. В 15 километрах к северу от этого места когда-то существовал спецпосёлок ГУЛАГа Советский Север.

Окончание на стр. 7

Встреча с жителями Тёплой горы

Тёплая гора — посёлок довольно крупный по северным меркам. Когда-то здесь кипела жизнь, добывали алмазы, жгли уголь, делали чугун. Теперь же, как и везде по северу края, — то-склиный, неуютный покой, попахивающий скорым забвением.

Утром выяснилось, что у нас проблемы: социальный бунт и идеологические шатания. Местная жительница Татьяна Сырхаватова, представляющая корреспондентом газеты «Новости», бузит и поднимает народ к решительному сопротивлению инициативе «Мемориала». Тем не менее, на месте установки стелы собираются приглашённые, Роберт Латыпов устраивает небольшую презентацию нашего проекта, после чего волонтеры приступают к индивидуальным интервью.

Является и сама Сырхаватова, которая перехватывает приходящих односельчан у входа и старается «вразумить»: «Товарищи! Мы призываем теплогорцев и всех жителей Горнозаводского района, кому дорога память о подвиге дедов в Великой Отечественной войне, решительно бойкотировать установку стелы «Мемориала» в Тёплой горе как предприятие антинародное, предательское

кого установлен мемориальный знак. Вот что гласит текст на табличке:

Памяти жертв политических репрессий. В Тёплой горе в 1930-1950-е годы на спецучёте НКВД находились и трудились на объектах лесной промышленности «раскулаченные» и высланные крестьяне, численность которых на 1 января 1941 года составляла 760 человек (253 семьи). В период с 1919-1947 годы по политическим мотивам был арестован 131 человек, из которых четверо погибли во время следствия, 20 человек были расстреляны в 1938 году, 62 человека получили длительные сроки заключения в лагерях ГУЛАГа, в отношении других дела были прекращены.

Сегодня все эти люди реабилитированы, в том числе и посмертно.

Перед тем как разойтись, жители Тёплой горы поблагодарили волонтеров и пообещали ухаживать за памятником. Установка и торжественное открытие мемориального знака памяти жертв политических репрессий стали завершением нашей миссии в Тёплой горе, но не концом

Открытие памятного знака в посёлке Тёплая гора

ЭКСПЕДИЦИЯ

ПО РЕКАМ ПАМЯТИ

Окончание. Начало на стр. 6

Памятный знак здесь был установлен 10 лет назад. Он на месте, но время сделало своё дело — надо менять. Он несколько необычный — представляет собой небольшой насыпной каменный курган с закреплёнными камнями табличкой. Грунт очень каменистый, всегда влажный, поэтому устанавливать что-то деревянное непрактично. Приносим ещё камней, делаем горку повыше, устанавливаем табличку:

Спецпосёлок Советский Север существовал в 1930-1940-е годы. На спецучёте НКВД находились и трудились на объектах лесной промышленности раскулаченные и высланные крестьяне, численность которых на 1 января 1941 года составляла 406 человек (114 семей). В 1937-1938 годах по политическим мотивам было арестовано

восемь человек, из которых четверо были расстреляны в 1937-1938 годах, двое получили длительные сроки заключения в лагеря ГУЛАГа, в отношении ещё двоих дела были прекращены. Сегодня все эти люди реабилитированы, в том числе и посмертно.

Памятный знак хорошо виден с реки. Будем надеяться, что и эту табличку не повредит ничто, кроме времени и погоды. Наша миссия закончена, но не закончена экспедиция. Сегодня надо пройти ещё больше десятка километров и найти место для ночлега, где опять будут дождь и сырость в палатке, горячая еда и неторопливые разговоры у костра.

Владимир Соколов
Фото Александры Шпиловой
 Публикуется в сокращении.
 Полный текст — на сайте rteet.ru

Открытие памятного знака в посёлке Вильва

ПРИГЛАШЕНИЕ

ВОЛОНТЁРСКИЙ ЛАГЕРЬ «КВАРТИРА» ЖДЁТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

С 24 июля по 5 августа 2017 года Пермское краевое отделение общества «Мемориал» со своим давним партнёром — немецкой общественной организацией «Акция искупления — служба делу мира» (ASF) при поддержке администрации города Перми проведёт международный волонтерский лагерь «Квартира».

В Перми проживает около тысячи пожилых людей, пострадавших в годы сталинских репрессий. Кто-то из них пережил сталинские лагеря и тюрьмы, кто-то прошёл через раскулачивание и ссылку. Они испытали

столько горя, бесправия и унижений, что не каждый из нас может себе это представить. Половина из них — инвалиды, у многих нет родственников. Волонтерский лагерь «Квартира» — это одна из форм адресной помощи одиноким беспомощным старикам. Молодые люди различных национальностей живут и работают вместе две недели во благо общественно значимой цели — они делают ремонт в квартирах одиноких пожилых людей. В ходе лагеря будет также проведён косметический ремонт офисного помещения общества «Мемориал».

По мнению организаторов, лагерь «Квартира» уже самим фак-

том своего проведения помогает ветеранам почувствовать, что их судьба небезразлична людям, что они важны и нужны. Для волонтеров же лагерь станет замечательным шансом межкультурного диалога, необычным способом летнего отдыха, где можно почувствовать свою значимость и востребованность. Работы, которые будут проводиться в квартирах пожилых людей, включают в себя покраску, оштукатуривание, клейку обоев, побелку потолков и стен. Желательно иметь хотя бы небольшой опыт работы в этой сфере. Культурная программа лагеря будет включать в себя дискуссии, встречи с интересными

людьми, поездки в Мемориальный музей «Пермь-36» и архитектурно-этнографический музей «Хохловка».

Участниками лагеря могут стать восемь волонтеров из стран Европейского Союза и десять российских добровольцев. Подобные лагеря «Мемориал» проводил крае ежегодно с 2002 по 2014 годы, и за это время их участники безвозмездно отремонтировали 54 (!) квартиры в Перми, Нытве, Кунгуре, Добрянке, Березниках.

Соруководители волонтерского лагеря: Екатерина Ситникова, координатор международных волонтерских обменов общества «Мемориал», Дмитрий

Окунцев, координатор проектов общества «Мемориал», и Диана Мюллер, координатор от ASF.

Чтобы подать заявку на участие в проекте, необходимо заполнить АНКЕТУ УЧАСТНИКА и отправить на e-mail: kvartira2017prm@gmail.com и dmitrii.okuntcev@gmail.com

При реализации проекта «Международный волонтерский лагерь «Квартира» используются средства поддержки гранта победителю XIX городского конкурса социально значимых проектов «Город — это мы!» в 2017 году.

ПРОЩАНИЕ

ПАМЯТИ ВОЛЕСЛАВА КАРЛОВИЧА СТЕНИНГА

Ушел из жизни активный член Пермского краевого отделения общества «Мемориал», театральный художник Волеслав Карлович Стенинг.

17 января Волеславу Карловичу исполнилось 90 лет. Начало долгой жизни этого замечательного человека пришлось на очень трудные времена. Его отец Карл Карлович, финн по национальности, работал главным бухгалтером управления Северного флота в городе Полярный Мурманской области. 3 апреля 1938 года он был арестован и приговорён Особой тройкой УНКВД по Ленинградской области по политической статье 58-6 УК к высшей мере наказания и расстрелян 30 ноября 1938 года. Остались жена Татьяна Леонидовна и трое детей: тринадцатилетняя Майя, одиннадцатилетний Волеслав и новорождённая Лариса. Осиротевшая семья перебралась к родственникам в деревню.

С детских лет проявлявший большой интерес к живописи, Волеслав в 1941 году поступил в специализированную школу при Ленинградской Академии художеств, а через несколько месяцев началась Великая Отечественная война. Деревня,

куда пришлось вернуться подростку, оказалась на занятой фашистами территории, и четырнадцатилетнего Волеслава вместе с другими ровесниками увезли в Германию. После окончания войны его арестовали на территории Латвии, и теперь уже Волеслав, как и его отец, стал политзаключенным по 58-й статье. Свой долгий срок он «мотал» на угольных шахтах; но и в неволе Стенинг не бросал заниматься рисованием. Сохранились его рисунки той поры.

После освобождения Волеслав Карлович, как и многие другие бывшие политзаключенные, оказался в «закрытой» Перми. Работал в Пермском книжном издательстве (1960-1961), на пермском телевидении (1961-1963). Наиболее ярко он смог проявить свой талант художника в Пермском театре кукол, который по иронии судьбы находился в здании бывшей тюрьмы НКВД. Здесь с 1963 по 1989 годы Волеслав Стенинг был главным художником, художником-постановщиком и преподавателем студии. На мудрых сказочных спектаклях, созданных с участием Волеслава Карловича, воспитывалось несколько поко-

лений пермяков. Лучшие его спектакли — «Иван — крестьянский сын», «Прекрасная Елена», «Петя и Волк», «Кот в сапогах», «Заводной солдатик», «Чёртова мельница», как и его мультфильмы, созданные на пермском телевидении, — «Верь-неверь», «Капризка», «Все чертям назло», «Потя и Потиха», «Верешок», «Щедрость» — до сих пор помнят повзрослевшие зрители.

Волеслав Стенинг — лауреат многочисленных театральных фестивалей и международных выставок. Его авторские куклы хранятся в Пермской художественной галерее, в музее центрального театра кукол в Москве, а также в театральных музеях Чехии, Польши, Франции, Англии. В 2007 году он стал обладателем премии «Волшебная кулиса» за вклад в развитие театрального искусства и художественную культуру Прикамья. Даже когда Волеслав Карлович стал пенсионером, он не забросил свое любимое дело: в общественном центре Мотовилихинского района до сих пор экспонируются его картины и этюды.

Параллельно с профессиональной творческой деятель-

ностью Волеслав Карлович вёл большую работу в Пермском обществе «Мемориал». Именно он помог оформить колонну «мемориальцев», пронёсших в 1989 году на первомайской демонстрации мимо столбчатых нежданно неожиданных местных партайгеноссе символические портреты невинно расстрелянных в годы советского террора людей. Он помогал Пермскому областному архиву политических репрессий создавать передвижные выставки, рассказывающие о судьбах жителей Прикамья, прошедших лагеря и тюрьмы ГУЛАГа: «Бессловесные свидетели» (о вещдоках, хранящихся в архивно-следственных делах), «Страницы трагедии» (о пермских харбинцах), «Мученики веры Христовой» (о репрессиях против священнослужителей), «Их считали пропавшими без вести» (о судьбе военнопленных). Ему принадлежит и архитектурный план-чертёж, по которому восстанавливалась из руин бывшая политколлония «Пермь-36», ставшая известным всему миру Мемориальным музеем истории политических репрессий.

Волеслав Стенинг.
 Автопортрет в 28-летнем возрасте

Светлая память дорогому нашему другу, талантливому художнику, великому труженику!

Правление Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал»

АЛЬТЕРНАТИВА

ПЕРМСКИЙ «МЕМОРИАЛ» ПОБЛАГОДАРИЛ АЛЬТЕРНАТИВНОСЛУЖАЩИХ ГЕРОНТОЦЕНТРА

Руководитель общественной правозащитной приёмной Пермского «Мемориала» Ирина Кизилова 8 июня побывала в Верхнекуринском геронтологическом центре в Перми, где проходят альтернативную гражданскую службу (АГС) пятеро пермских юношей.

Цель поездки — поздравить с Днём социального работника альтернативнослужащих, влившихся в сообщество представителей гуманитарных профессий, выбрав один из законных путей служения Отечеству — альтернативную гражданскую службу.

День выдался на редкость ясным и тёплым для нынешнего неласкового лета. Большинство пациентов геронтоцентра вышли посидеть на просторное, словно веранда, крыльцо. Тех, кто сам не может передвигаться, вывезли погреться на солнышке санитары-альтернативнослужащие. Они трудятся по так называемому скользящему графику, и в этот день на смене были только Даниил Вааг и Даниил Алексеев. Ирина Кизилова прямо тут, на залитом июньским солнцем крыльце, вручила им благодарности от Пермского краевого отделения общества «Мемориал» за подписью Роберта Латыпова,

руководителя проекта «Право на альтернативу». Пожилые люди одобрительно улыбались парням, которые изо дня в день оказывают им социальную помощь.

Двое других альтернативнослужащих — Сергей Ахметгареев и Игорь Ширинкин — заступят на смену по графику на следующий день. Пятый АГСник — Максим Высокий — сейчас находится в учебном отпуске: он заочно получает высшее образование и во время сессий, согласно закону об АГС, имеет право на неоплачиваемый отпуск. Максим получает его два раза в год, значит, 21-месячный срок альтернативной службы для него сокращается на четыре месяца. Кроме того, каждый АГСник, в соответствии с трудовым договором, имеет право на два оплачиваемых отпуска за время службы, а это ещё минус два месяца от срока АГС. Таким образом, «альтернативка» для Максима будет длиться в общей сложности не 21 месяц, а один год и два месяца.

Эта арифметика — на заметку тем, кому в военкомате, куда претенденты на АГС приносят заявления о замене военной службы на альтернативную гражданскую, настойчиво говорят что-то типа: «Вы подумайте хорошенько, ведь

военная служба — всего лишь год, и вы дома; а на «альтернативке» будете «пилить» почти два года». При этом сотрудники военкоматов «забывают» добавить, что на военной службе солдат круглосуточно находится в казарме и, по сути, не принадлежит самому себе, «альтернативщик» же во время службы живёт у себя дома или в благоустроенном общежитии, которое ему обязательно предоставит принимающее учреждение. Отработав смену — восемь часов, он может распоряжаться оставшимся временем по собственному усмотрению.

Конечно, не только поэтому Максим и ещё около 30 пермских призывников выбрали для себя в прошлом году не военную, а альтернативную гражданскую службу, а, прежде всего, потому, что их убеждениям или вероисповеданию военная служба противоречит.

Ирина Кизилова пообщалась не только с ребятами, но и с сотрудниками геронтоцентра. Заведующей отделением Тамаре Демчук, методисту Анжелике Васильевне и психологу Инге Матвеевой она вручила изданные Пермским «Мемориалом» брошюры «Альтернативная гражданская служба вам в помощь». В них даны рекоменда-

«Мемориал» поблагодарил альтернативнослужащих

ции руководителям предприятий и учреждений, как создавать рабочие места для АГС, как подавать заявки на альтернативнослужащих и как с ними работать. Это знают, к сожалению, далеко не все руководители социальных и медицинских учреждений, несмотря на то, что со вступления Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» прошло уже 13 лет. Из-за этого незнания порой возникают конфликты между АГСниками и работодателями, доходящие иногда до судебных разбирательств.

Сотрудники проекта «Право на альтернативу» считают своей обязанностью регулярно встречаться как с альтернативнослужащими, так и с их работода-

телями, чтобы вовремя выявить проблемы и «разрулить» конфликты в досудебном порядке. Одна из главных целей посещения Верхнекуринского геронтологического центра как раз и заключалась в выяснении ситуации с альтернативнослужащими в этом учреждении. В целом её можно назвать нормальной, убедилась Ирина Кизилова.

...Наступило время обеда, санитары увели стариков с крыльца в столовую. Потом — время короткого отдыха для санитаров. Уходя, Ирина Кизилова заглянула в помещение клуба, откуда раздавалась тихая мелодия. Её исполнял на пианино Даниил Алексеев.

**Ирина Михайлова,
фото Алисы Трониной**

Пациенты геронтологического центра одобрительно относятся к «альтернативным» санитарам

Социально значимый проект «Право на альтернативу» реализуется Пермским краевым отделением общества «Мемориал» с февраля 2016 года благодаря победе на «президентском» конкурсе грантов. Мы оказываем правовую помощь юношам — призывникам, военнослужащим и альтернативнослужащим, а также ведём просветительскую работу по гуманизации призыва в Пермском крае.

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ ИЮНЯ

Правление Пермского «Мемориала» поздравляет юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которые отмечают круглые даты.

В Кировском районе Перми в июне целых три юбиляра. **Нина Алексеевна Панова** 2 июня отметила 85-летие, **Рашиду Зинатовичу Батыреву** 4 июня исполнилось 80 лет, а на следующий день, 5 июня, 85-летие праздновала **Серафима Алексеевна Тарентина**.

Три круглые даты отмечаются и в Свердловском районе. Всем трём юбилярам —

по 80 лет: **Брониславе Шмульевне Бородай** — 2 июня, **Галине Максимовне Петровой** — 21 июня, **Клавдии Павловне Борисовой** — 29 июня.

11 июня исполнилось 90 лет **Александру Александровичу Черепанову**.

24 июня будет отмечать 80-летие **Юлия Александровна Пинтюк**, член активы Ленинского районного филиала Ассоциации жертв политических репрессий.

Многие годы была членом совета ассоциации жертв политических репрессий врач **Эмма Францевна Свидлер**. 28 июня ей исполнится 80 лет.

90 лет отметит 29 июня **Александра Николаевна Чиркова** из семьи раскулаченных. В Пермь семья приехала в 1937 году. Отсюда ушёл на фронт и не вернулся отец Александры Николаевны. Сегодня она — ветеран-энергетик: последние 43 года проработала в Пермэнерго.

17 июня исполнилось 92 года **Эмилии Критовне Щербаковой**: дата не круглая, но очень почтенная. Эмилия Критовна в «Мемориале» со дня основания общества.

Живите долго и будьте счастливы!

